

В. А. Иванов

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Изобразительная лексика в фольклоре для детей (на материале финно-угорских языков)*

Рассматриваются особенности функционирования изобразительной лексики в фольклоре для детей в финно-угорских языках. Дается определение изобразительной лексики и входящих в нее групп слов, указывается ее основная функция в тексте; обсуждается различие между двумя категориями детского фольклора: фольклором детей и фольклором для детей. Представлены результаты исследования изобразительных и припевных слов в колыбельных песнях. Обсуждаются возможные пути возникновения слов баюканья, а также возможные пути их развития в языке; для некоторых слов указывается этимология. Рассматривается также употребление изобразительных и припевных слов в пестушках и потешках. В текстах этих жанров обнаруживаются не только общепотребительные, но и специфические изобразительные/припевные слова. В конце статьи дается заключение.

Ключевые слова: изобразительные слова, финно-угорские языки, припевы, детский фольклор, колыбельные песни, пестушки, потешки.

1. Изобразительная лексика и детский фольклор

Изобразительными (а также подражательными, имитативными и т. д.) называют слова, имеющие в своей основе произвольную, мотивированную связь между звуковым обликом слова и полагаемыми в основу номинации признаками действительности [Воронин, 1982]. Можно сказать, что эти слова представляют собой языковые освоения звуковых, зрительных, двигательных и других признаков внеязыковых явлений. В широком понимании к изобразительной лексике относят слова таких традиционно выделяемых групп, как звукоподражания, междометия, идеофоны, детские слова, подзывы для животных, элементы зауми, а также про-

---

* Статья подготовлена на основе доклада в рамках Всероссийской конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (г. Новосибирск, 11–14 октября 2016 г.). Исследования по финно-угорским языкам поддерживаются грантом РФФИ № 16-24-17003.

Иванов Владимир Андреевич – заведующий сектором Научной библиотеки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Ломоносовский просп., 27, Москва, 119192, Россия; vovagkmfc@yandex.ru)

изводные от таких слов; все эти группы выделяются на различных основаниях, а потому могут значительно пересекаться.

Мотивированность определяет более непосредственную связь изобразительного слова с денотатом, что обеспечивает большую точность и конкретность передачи образа, а также повышенную экспрессивность. Выбор говорящим изобразительного слова вместо нейтрального предполагает субъективную, эмоциональную оценку предмета речи. Таким образом усиливается эффект воздействия на адресата. По-видимому, именно этими особенностями определяется широкое употребление таких слов в фольклорных текстах разных жанров [Иванов, 2016].

В данной статье речь пойдет об особенностях использования изобразительной лексики в малых формах детского фольклора.

В узком смысле детский фольклор включает в себя собственно фольклор детей (традиция Г. С. Виноградова). Это тексты детского репертуара (считалки, дразнилки, заклички и др.), которые создают сами дети, играя или подражая взрослым. К детскому фольклору в широком смысле (традиция О. И. Капица) относятся, кроме того, произведения, созданные взрослыми специально для детей (колыбельные, пестушки, потешки и др.). Эту категорию называют также материнским фольклором или поэзией пестования.

Классическими работами по русскому детскому фольклору стали исследования Г. С. Виноградова, О. И. Капица, М. Н. Мельникова, С. М. Лойтер и др. Достаточно разработанной эта тема оказывается и для финно-угорских языков: существуют как сборники текстов, так и специальные исследования. При этом, хотя исследователи не могут не обращать внимания на обилие изобразительной лексики в детском фольклоре, работы на эту тему оказываются сравнительно редки. «Словозвуки» русского детского фольклора рассматривает С. М. Лойтер, отмечая, что ранее они специально не исследовались [Лойтер, 2001, с. 69–82]. На финно-угорском материале этот вопрос затрагивается в работах А. Н. Петуховой [Петухова, 2002, с. 95–107] и М. В. Кумаевой ([Кумаева, 2012]) и др.). Существует еще некоторое количество работ, в которых детский фольклор составляет лишь малую часть материала.

В данной статье мы ограничимся рассмотрением материнского фольклора (фольклора для детей): колыбельных песен, пестушек и потешек. Материалом для исследования послужили тексты из фольклорных сборников и специальных работ, а также полевые записи автора.

2. Припевные слова колыбельных песен

Композиция колыбельных песен выстраивается в соответствии с их основным назначением – успокоить ребенка и помочь ему заснуть. В связи с этим зачины колыбельных песен часто содержат призыв ребенка ко сну, который выражается побудительной формой глагола «спать» (1)–(3). В зачинах также часто используются особые припевные¹ слова типа рус. *баю-бай* (4)–(6)².

(1) Удм. *Изь, изь, нуные*, / *Зарни бугоре...*³ [Долганова, 1981]

‘Спи, спи, дитя мое / Золотой клубочек мой...’⁴

---

¹ Название «припевные» в данном случае закреплено традицией и оправдано тем, что эти слова могут повторяться в песне в качестве рефрена [Рочев, 1974; Таракина, 1971].

² Припевные, изобразительные и т. п. слова выделяются в примерах полужирным шрифтом.

³ Начальная формула многих колыбельных песен.

⁴ Здесь и далее переводы даются по источнику.

(2) Коми.-п. *Кага, баб⁵, кага, баб*, / *Бокат каб, бокат каб*. / *Кага, узь, кага, узь*. / *Локтас сюзь, локтас сюзь* [Голева, 2015, с. 45].

‘Дитя, спи, дитя, спи, / Рядом колодка, рядом колодка. / Дитя, спи, дитя, спи. / Прилетит сова, прилетит сова.’

(3) Мокш. *Удок, удок, иднязе*, / *Удок, мазы панчфкяй*... [Таракина, 1978, с. 40]
‘Засни, засни, дитя, / Засни, красивый цветочек...’

(4) Коми-з. *Руй, руй, баю, бай*, / *Бабö тэнö качайтö*... [Кузнецова, 2013, с. 117]

‘Руй, руй, баю, бай, / Бабушка тебя качает...’

(5) Мокш. *Тютю-баю, иднязе*, / *Шумбра-пара лефкскязе* [Таракина, 1978, с. 32].

‘Тютю-баю, дитятко, / Здоровая моя пташечка.’

(6) Эрз. *Утю-балю, эйдякай*, / *Целю-балю, цёрынем!* [Там же, с. 47]

‘Баю-баю, мое дитя, / Баю-баю, мой сыночек!’

Подобные припевные слова тоже фактически воспринимаются как призыв ребенка ко сну. Пропеваясь отдельно, вне песни, они составляют особые колыбельные напевы⁶: например, строка рус. *Баю-баю-баю-бай!* пропевается потенциально неограниченное число раз. В самом простом случае подобные напевы представляют собой пение без слов – повторение одних и тех же слогов⁷ или гласных звуков⁸. В качестве зачинов и рефренов колыбельных песен могут использоваться в том числе и такие бессловесные напевы (7)–(9):

(7) Удм. *Ö-ö-ö, нуные*, / *Кöкы сюры палзэпу*, / *Конгырöед – эмезэпу* [Долганова, 1981, с. 30].

‘О-о-о, дитя мое, / Оцеп⁹ колыбели рябиновый / А крючок малиновый.’

(8) Мар.г.¹⁰ *Ä-ä-ä, ä-ä-ä* / *Изи Маша пäпäлтä*...

‘Баю, баю, баю, бай, / Маленькая Маша спит...’¹¹

(9) Мар.л. *О-о-о-о-о*, / *Изи Олюк папалта*, / *Тылзе лектеш пыл шенгеч*, / *папалта изи межнеч!* / *О-о-о!*.. [Петухова, 2006, с. 122]

‘О-о-о-о-о, / Маленькая Оленька спит, / Месяц выходит из-за туч, / Спит моя маленькая! / О-о-о!..’

Функцию призыва ко сну припевные слова могут сохранять и вне колыбельных песен/напевов, ср. рус. *баю-бай* и производные от него в обращениях к ре-

⁵ *Баб* – повелительное наклонение от глагола *бабны* ‘спать’, который используется только в разговоре с маленькими детьми. *Узь* – повелительное наклонение от *узьны* – нейтрального глагола со значением ‘спать’. Ср. то же в удм.: *изыны* нейтр. ‘спать’ (удм. бес. *узьны*), *бабыны* детск. ‘спать’. Специальные детские глаголы со значением ‘спать’ имеются во многих финно-угорских языках; о некоторых из них речь пойдет далее.

⁶ Некоторые исследователи рассматривают подобные напевы как особую группу колыбельных песен, см. [Петухова, 2002].

⁷ Повторение слогов часто имеет место в песенных припевах вообще: ср. рус. *ля-ля-ля, лай-лай* и т. п. Это своего рода вокализ, ср. англ. *solfege syllables*.

⁸ Часто (хотя и не всегда) пропевается гласный, тяготеющий к среднему ряду, среднему подъему (в т. ч. в случаях, когда подобный гласный отсутствует в основном фонетическом инвентаре языка). Иногда пропеваются прикрытые слоги (*йа-йа-йа*), реже – тянутся согласные звуки (*ш-ш-ш*).

⁹ Оцеп – деревянный шест, на который подвешивают колыбель.

¹⁰ Здесь и далее материалы по горномарийскому языку взяты из полевых материалов автора, зап. в с. Кузнецово Горномарийского района Республики Марий Эл, 2016 г.

¹¹ Фрагмент колыбельной песни, зап. от О. С. Микряковой, 1968 г. р.

бенку: *Пора баю-бай, Пойдём баиньки* и т. п. Часто такие слова баюканья ребенка прочно закрепляются в языке, вступают в синтаксические и словообразовательные связи: например, глаголы рус. *баюкать, байкать* ‘склонять ребенка ко сну’ определенно производны от *баю-бай*¹². Само припевное слово *баю-бай* этимологически восходит к полнозначному слову – глаголу *баять* ‘говорить’ [Фасмер, 1986, т. 1].

В то же время в финно-угорских языках в функции призыва ко сну могут использоваться и такие слова, которые не имеют этимологии в обычном смысле, – а именно слова, воспринятые из бессловесных напевов. Ср., например, удм. бес.¹³ *Айда ө-ө-ө каром!* ‘Давай спать будем!’ (обращение к ребенку) и припевное слово в (7). В горномарийском языке подобное слово (ср. (8)) даже получает падежное оформление (показатель аккузатива): *Айда ä-ä-ä=м(АСС) ёшитэнä!* ‘Давай спать будем!’

От бессловесных напевов происходят, по-видимому, такие слова баюканья коми языков, как коми-п. *өва, өввө*, коми-з. *өввө*¹⁴ (10). В [КЭСЯ, 1970, с. 104] коми-з. *өввө* соотнесено с удм. «припевом колыбельной песни» *ө-ө-ө* (ср. (7)), но такой припев встречается и в коми языках (11).

(10) Коми-п. (кочев.) *Өва, өва, кага, / Өва, өва, зарин* [Голева, 2015, с. 53].
‘Эва, эва, дитя, / Эва, эва, золотце.’

(11) Коми-п. *Ө-ө-ө-ө-ө, кагаө, / Узьö менам учöтö* [Там же, с. 52].
‘Э-э-э-э-э, дитя мое, / Спит мой маленький.’

В некотором смысле «промежуточными» являются припевы из примеров (12), (13): формы *öу-ө, öу-вө* можно рассматривать как переходные между бессловесными напевами вроде *ө-ө-ө* и оформившимися припевными словами вроде *өва, өввө*. Наличие таких «промежуточных» форм можно считать аргументом в пользу происхождения припевных слов *өва, өввө* из бессловесных напевов. Однако справедливости ради следует заметить, что формы *öу-ө, öу-вө* могли появиться в результате ослабления или утраты звука *в* в словах *өва, өввө* в «эловых» и «взовых» диалектах коми-пермяцкого языка¹⁵. Но при этом в примере (10) из кочевского диалекта («эловый» тип) звук *в* в припевном слове не утрачивается в позиции между гласными, хотя по общему правилу может употребляться только в начале слова; т. е. припевное слово в данном случае нарушает общую закономерность, что характерно для изобразительной лексики вообще.

(12) Коми-п. (кочев.) *Öу-ө, öу-ө, / Öшын саяс ой локтö* [Там же, с. 57].
‘Эу-э, эу-э, / За окном ночь наступает.’

¹² С помощью суффикса *-ка-* регулярно образуются глаголы от междометий и звукоподражаний: ср. *ойкать* < ой, *огокать* < ого, *дзинькать* < дзинь и т. п., так же *баюкать* < *баю, байкать* < *бай*.

¹³ Здесь и далее материалы по языку бесермян (бесермянскому наречию удмуртского языка) взяты из полевых материалов автора, зап. в д. Шамардан Юкаменского района Удмуртской Республики, 2011–2017 гг.

¹⁴ Связывать припевные слова *өва, өввө* с коми-п. и коми-з. *өвны* ‘успокоить, унять, уgomонить’ невозможно по фонетическим соображениям.

¹⁵ Диалекты коми языков делятся на типы по употреблению и распределению звуков *л* и *в*, а также передаче общепермского **l*. Среди коми-пермяцких диалектов выделяют «взовые» (твердый *л* отсутствует, вместо него выступает *в*), «безвзовые» (*в* в основном заменяется на *л* и теряет фонематичность) и «эловые» (сохраняется *л* на месте **l*, *в* выступает в основном в начале слова). Кочевский диалект (10), (12) относится к «эловому» типу, нижнеиньвенский (13) – к «взовому»; диалекты этих типов характеризуются ослаблением или утратой *в* в определенных позициях [Баталова, 1975].

(13) Коми-п. (нижнеинв.) *Ӧу-вӧ, ӧу-вӧ, / Менам кагаыс бабӧ* [Голева, 2015, с. 64].

‘Эу-вэ, эу-вэ, / Мое дитя спит.’

Слова баюканья фиксируются в словарях в качестве специальных детских междометий, а значит, должны рассматриваться как составляющая изобразительной лексики.

Изобразительная лексика может не только пополняться за счет припевных слов, но и служить их источником. Т. А. Молданова указывает, что припевные слова *твой-твой* и *рӓнс-рӓнс* в примере (14) имеют звукоизобразительный характер и выражают образы действий, производимых с люлькой: *твой-твой* связывается со значением ‘покачивать’, *рӓнс-рӓнс* – со значением ‘потряхивать’ [Молданова, 2008, с. 24].

(14) Ханты¹⁶ (казым.) *Тӕй-тӕй, рӓнс-рӓнс / Пухуем энма. / Тӕй-тӕй, рӓнс-рӓнс / Щуцием энма* [Там же, с. 29].

‘Тӕй-тӕй, рӓнс-рӓнс / Сыночек, расти. / Тӕй-тӕй, рӓнс-рӓнс / Младенец мой, расти.’

Действительно, *твойиты* в казымском диалекте имеет значения ‘висеть (на подвесе)’ и ‘раскачиваться’ (о предметах на подвесе) [Соловар, 2014], *рӓнсыты* – ‘подергивать (о люльке)’¹⁷. В тегинском диалекте (близком к казымскому) *твойиты* также значит ‘висеть’ и ‘(самопроизвольно) раскачиваться’, ср. *онтӓп тӕйийӓл* ‘люлька висит/раскачивается’; *рӓнсемӓты* может употребляться в значении ‘раскачиваться’ по отношению к люльке (*онтӓп рӓнсемӓл* ‘люлька раскачивается’), если при этом ее кто-то специально раскачал¹⁸.

Колыбельные песни традиционно сопровождали укачивание ребенка в колыбели, с чем и связано появление в роли зачинов слов, производных от корней со значением ‘качать’ и т. п. В русских зачинах *кач-кач, качи́-качи́* используется собственно корень *кач-* (15). В эрзянском примере (16) зачин связан с *ни́сьетс, ни́сьетс* ‘качать(ся), раскачивать(ся)’ [Паасонен, 1994, т. 3].

(15) Рус. *А качи́, качи́, качи́, / Прилетели к нам грачи...* [Аникин, 1957, с. 201]

(16) Эрз. *Нурть-нурть, / Эрясть атят-бабат...* [Таракина, 1978, с. 56]

‘Кач-кач, / Жили старик со старухой...’

Само название *колыбель* в русском языке связано со словом *колыбать* ‘качать’, которое, в свою очередь, родственно *колебать* и, возможно, *колыхать* [Фасмер, 1986, т. 2]; ср. диал. *колыхалка, колыска* ‘колыбель’ [СРНГ, 1981]. Со значением ‘качать’ связаны и другие русские названия колыбели: *зыбка* от *зыбить* ‘качать, колыхать’, *качка* непосредственно от *качать*. В финно-угорских языках название колыбели также может быть связано со значением ‘качать’: мокш. *нюрям* < *нюрямс* ‘качаться, колыхаться’ [МРС, 1998], удм. *лэчкет* < *лэчканы* ‘качаться’ [УРС, 2008], коми-п. *гыччан* ~ *гыччӧтны* ‘качать, баюкать’ [КПРС, 1985].

¹⁶ Здесь и далее написание и перевод текстов на языке ханты даются по источнику. В тексте статьи мы используем актуальную орфографию языка ханты, принятую, например, в [Соловар, 2014].

¹⁷ Автор благодарит д-ра филол. наук В. Н. Соловар за ценные замечания относительно истолкования хантыйского материала.

¹⁸ Автор благодарит канд. филол. наук Е. В. Кашкина за предоставленные полевые материалы (с. Теги Березовского района Ханты-Мансийского АО, 2010, 2016 гг.). См. на эту тему также [Шапиро, 2010].

Еще одно русское название для колыбели — *люлька* — связано с глаголами *люлькать* ‘убаюкивать’, *лелеять* ‘заботиться’, корень которых, судя по соответствиям в других языках, первоначально имел значение ‘качать, колыхать’¹⁹; с тем же корнем связан колыбельный зачин *люли, люлю, люлюшки* (17) [Фасмер, 1986, т. 2, с. 479, 545–546].

(17) Рус. *Люли, люли, мою милую! / Люли, люли, мою хорошую! / Люли, люли, мою пригожую! / Баю, баю, покачаю / Дитя миленькую, / Дитя крошечную!* [Аникин, 1957, с. 198]

На прежнее значение ‘качать’ припевного слова *люли* в примере (17) косвенно указывает винительный падеж (*мою милую* и т. п.), характерный для прямого объекта и не характерный для обращения, а также параллель в виде слова *покачаю*. Сложно сказать, произведено ли название *люлька* непосредственно от припевного слова в русском языке, но подобный пример нам определенно дает эрзянский язык: *балю* детск. ‘люлька’ очевидно от традиционного зачина колыбельных песен *балю-балю*, ср. (6), который в словаре фиксируется как детское междометие [ЭРС, 1993]; ср. также коми-з. *öввö* диал. ‘колыбель’ из припевного слова *öввö* [КРС, 2000].

С традиционным зачином русских колыбельных песен *баю-бай* можно с уверенностью связать глаголы *баюкать, байкать* ‘склонять ребенка ко сну’. От припевных слов, по-видимому, производны эрз. *балямс* (разг.) ‘спать’, *бувамс* ‘ложиться спать’ (18), мокш. *бавамс, баямс* ‘ложиться спать’ [ЭРС, 1993; МРС, 1998]; коми-з. *öввöдны* ‘баюкать; укачивать’ [КРС, 2000]; коми-п. *öвйöтны* ‘баюкать’ [КПРС, 1985]; коми-з. *руйкöдны, баййöдлыны* ‘петь колыбельную песню’ [Рочев, 1974, с. 8].

(18) Эрз. *А, баву, баву, баву, / Вишка цёрам бувазо, / Вишка какам мидезз!* [Таракина, 1978, с. 30]

‘А, баву, баву, баву, / Маленький сынок мой пусть заснет, / Маленькая крошка пусть уснет!’

Этимологию таких припевных слов мордовских языков, как *баю* (5), *балю* (6), *баву* (18), установить непросто. Однако можно заметить, что *баю* хорошо соотносится с рус. *баю* (*баю-бай*), *балю* — с тат. *бәлли* (*әлли-бәлли, бәлли-бәй* ‘баю-бай’), т. е. здесь можно предполагать заимствование; *баву* ср. с удм. *баб-баб* ‘баю-бай’ (удм. *бабыны* детск. ‘спать’, коми-з. и коми-п. *бабны* детск. ‘спать’).

Употребительные припевные слова, используемые в зачинах и рефренах многих колыбельных песен, необходимо фиксировать в словарях, как это делается иногда для припевных слов вообще²⁰. Кроме того, есть основания включать данную группу слов в состав изобразительной лексики. Как мы видели, пополнение этой группы происходит за счет «затягивания» в нее как изобразительных, так и неизобразительных корней, в том числе, возможно, заимствований. Пополнение может происходить также «извне» — за счет освоения внеязыковых звучаний: таковы зачины, происходящие от бессловесных колыбельных напевов. Такие способы пополнения характерны для различных групп изобразительных слов.

¹⁹ Этимология предполагает для этих слов звукоизобразительное происхождение [Фасмер, 1986, т. 2]. При сопоставлениях здесь нужно учитывать, что на современном этапе сложно бывает различить значения ‘качать, укачивать (ребенка)’ и ‘баюкать, склонять ко сну’. Например, для нем. *lullen* фиксируются оба эти значения, для англ. *lull*, польск. *lulać* — только ‘баюкать’, для сербохорв. *лѣлати* — ‘качать, болтать’.

²⁰ Слова песенных припевов фиксируются, например, в «Словаре русских народных говоров». Также следует отметить опыт создания А. Г. Ивановым словника припевных слов на материале песен северных удмуртов [Иванов, 1996].

Прежнее значение корней, вовлеченных в группу колыбельных припевов, часто оказывается стерто и не осознается носителями языка. Припевные слова переосмысливаются как слова баюканья, склоняющие ребенка ко сну, и в этой функции могут закрепляться в языке. Таким образом, они пополняют группу детских междометий-призывов и детских слов, обозначающих ситуации, которые, в свою очередь, относятся к изобразительной лексике²¹.

Наконец, припевные слова вовлечены в словообразовательные процессы и служат основами для образования существительных – названий колыбели, глаголов со значением ‘спать’, ‘баюкать’, ‘укачивать’, ‘петь колыбельную’ и т. п. Дериваты припевных слов, с одной стороны, живут в языке собственной жизнью, независимо от текстов колыбельных песен. С другой стороны, без обращения к этим текстам невозможно их правильное толкование и определение их места в языке.

3. Изобразительные слова в пестушках и потешках

Если колыбельные песни служат для баюканья ребенка, склоняют его ко сну, то пестушки и потешки, наоборот, призваны поддерживать бодрствование. Это небольшие по объему тексты, сопровождающие несложные упражнения. Упражнения направлены на физическое развитие ребенка, а сопутствующие тексты отвечают за эмоциональное состояние.

Понимание того, что такое «пестушки» и «потешки», у разных авторов может несколько различаться; тексты одного и того же типа в разных работах оказываются то в одной, то в другой категории. В нашем понимании пестушки сопровождают действия и движения ребенка (например, потягивания) в первые месяцы жизни, а также упражнения на развитие крупной моторики и осязания; потешки сопутствуют упражнениям и играм, способствующим развитию мелкой моторики (пальчиковые игры и т. п.).

Название «пестушки» происходит от рус. *пестун* ‘воспитатель’, *пестовать* ‘нянчить; любовно воспитывать’. В народной педагогике различаются разные виды пестования, им соответствуют разные виды пестушек. Каждый вид характеризуется специфической изобразительной лексикой, а также особенностями в использовании общеупотребительных изобразительных слов.

Действия, связанные с поглаживанием ребенка, потягиванием конечностей и т. п., иногда называют собственно пестованием (т. е. пестованием в узком смысле). В горномарийском языке с данным видом пестования связано специфическое изобразительное слово *кусь-кусь* (19), ср. *кусь-кусь ёштйи* ‘поглаживать по животу’, букв. ‘кусь-кусь делать’; ср. также мар.л. *кус-кус* (20).

(19) Мар.г. *Кусь-кусь-кусь*, / *Шыльйё пёрцёй кыт*, / *Шадангёй пёрцёй тореш*.
‘Кусь-кусь-кусь, / В длину овсяного зерна, / В ширину пшеничного зерна.’
(Приговаривают при поглаживании ребенка по животу, обычно при пробуждении, потягивании.)²²

(20) Мар.л. *Кус-кус-кус-с*, / *Йогыжо йол мучашке*, / *Пиалже вуй мучашке* [Петухова, 2006, с. 124].
‘Кус-кус-кус-с, / Лень к ногам, / Счастье к голове.’

²¹ Это слова, которые употребляют взрослые в разговоре с детьми для обозначения необходимости, а дети – для выражения желания сделать что-либо. В этой группе встречаются подражания детской лепетной речи, ср. удм. бес. *мам-мам* ‘кушать’, *нёнь-нёнь* ‘сосать грудь’, подражания различным звукам, ср. удм. бес. *буль-буль* ‘мыться’, мар.г. *тылыи-тылыи* ‘идти ножками, топ-топ’.

²² Зап. от О. С. Микряковой, 1968 г. р.

Сходный по форме зачин бесермянского текста (21) ассоциируется у некоторых носителей со словом удм. бес. *кузь* ‘длинный, высокий’ и, таким образом, воспринимается как установка на хороший рост ребенка. Однако другие носители настаивают на варианте зачина *кусь-кусь-кусь* и не связывают его напрямую со словом *кузь* ‘длинный, высокий’; в этом случае есть основания видеть здесь тот же специфический зачин, что и в марийских текстах (19), (20).

(21) Удм. бес. *Кузь, кузь, кузь, кузь, / Ыродэз мед кошкоз, / Десез мед лыктоз. (Пичи пиналлёсты сайкем бераз гадисеныз пыд пумозяз лапаен гладить карылызы, кузь-кузь мед лу шуса.)*

‘Высокий, высокий, высокий, высокий, / Плохое чтоб ушло, / Хорошее чтоб пришло. (Маленьких детей после пробуждения гладили ладонью от груди до пальчиков ног, чтобы росли большими-большими.)’²³

Другой вид пестования – подбрасывание ребенка на коленях или на руках – в русском языке имеет название *тютюшканье*, что связано с традиционным зачином соответствующих пестушек (22).

(22) Рус. *Тюшки-тютюшки, / На горе пичужки, / Там Ванюшка был, / Пичужку поймал* [Аникин, 1957, с. 204].

В мордовских языках слова тютюшканья имеют вид *дюгу-дюгу, дягу-дягу, дёге-дёге, дёголь-дёголь, дёли-дёли-дёшки* и т. п., ср. (23), (24), в марийском – *учики-вачики* (25), в коми-пермяцком – *тюку-тюку* [Голева, 2015, с. 121]; ср. также мар.г. *тютюка ёйтайи* ‘тютюшкать’.

(23) Мокш. *Ой, дюреди, дюреди, / Сюрьбонанят сюреди. / Ай, дёкшити, дёкшити, / Юванць касы сёксети* [Таракина, 1978, с. 64].

‘Ой, дюреди, дюреди, / Ниточки сучит. / Ай, дёкшти, дёкшти, / Ваня вырастет к осени.’

(24) Эрз. *Дугу-дугу, доське, / Мон тейтерькам покшке, / Аволь вишинешка, / Самай пеитенешка...* [Там же, с. 65]

‘Дугу-дугу, доське, / Моя дочка уже большая. / Она не маленькая, / Величиной с орешек...’

(25) Мар.л. *Учики-вачики, / Учики-вачики, / Изи пыси ёлнё, / Изи Мичу кўшинё* [Петухова, 2006, с. 126].

‘Учики-вачики, / Учики-вачики. / Котенок внизу, / Маленький Миша наверху.’

По-видимому, слова тютюшканья имеют звукоизобразительное происхождение. В русском языке на это указывает редупликация слога (*тютюшки-тютюшки*); в мордовских языках – размытость звукового облика (ср. хотя бы вариативность гласных в инлауте (*дяг-/дёг-/дюг-*), а также особый формант изобразительных слов *-оль* в *дёголь-дёголь*; эрз. *дёли-дёли* можно связать с глаголом *дёлямс* ‘лелеять, холить’ [Вершинин, 2004, т. 1], который произведен от той же звукоизобразительной основы.

Особые изобразительные слова в пестушках передают моторный образ соответствующего движения. Это подтверждается, например, возможностью по крайней мере некоторых таких слов употребляться в соответствующем значении вне фольклорных текстов: ср. *учики-вачики* в (25) и мар.л. *учик-учик*, изображающее качание на качелях, в колыбели, на ногах, а также подбрасывание на руках вверх, *учиклаш* ‘качать’, *учик* ‘качели’ [СМЯ, 2003, т. 8].

²³ Зап. от А. Л. Караваевой, 1947 г. р.

В текстах пестушек, связанных с тютюшканьем, часто встречаются слова, содержащие губно-губной вибрант – примерно такой, как в рус. *тпру!* (команда для лошади остановиться), ср. (26), (27).

(26) Рус. *А тпру, тпру, тпру!* / *А тпру, тпру, тпру!* / *Не вари кашу круту,* / *Вари жиденькую,* / *Вари мякенькую,* / *Да молошненькую* [Аникин, 1957, с. 203].

(27) Коми-п. *Тпрук-тпрук, Мичка,* / *Сёдзовой кёзичка,* / *Идовй селянка,* / *Зёровй орсанка* [Голева, 2015, с. 114].

‘Тпрук-тпрук, Мичка, / Холщовый мешочек, / Ячменная селянка, / Овсяная игра.’

Использование слов с губно-губным вибрантом в пестушках можно толковать двояко. С одной стороны, они могут передавать двигательный образ покачивания, потряхивания ребенка на коленях. С другой стороны, с губно-губным вибрантом как в русском, так и в финно-угорских языках связаны подзывные слова (слова клича, отгона, команды и т. п.) для лошадей и коров; при этом содержание многих потешек связано с ездой, поездкой с использованием лошади, ср. (28), (29). Подобное двоякое истолкование слов с *тпр-* уже отмечалось в загадках (см. [Иванов, 2016, с. 180–181]).

(28) Коми-п. *Рёктё-рёктё* / *Дедыс ордё,* / *Бабыс ордё* / *Чёжжёгёвё* / *Виль нянь сёйны,* / *Пёжжё йёв юны.* / *Рёк-рёк,* / *Рёк-рёк*²⁴ [Голева, 2015, с. 107].

‘Скачет-скачет / К деду, / К бабе / В Чажегово / Новый хлеб покушать, / Топленое молоко попить. / Скок-скок, / Скок-скок.’

(29) Коми-п. *Тпру-тпру гёнитам,* / *Баба ордё мунам* [Там же].

‘Тпру-тпру гоним, / К бабе поедим.’

Согласно [КПРС, 1985] глагол *гёнитны* (29) имеет значение ‘бежать рысью (о лошади); ехать рысью (на лошади)’. При этом коми-з. *рёдтёдны* ‘везти рысью’ [КРС, 2000] имеет также значение ‘подбрасывать ребенка на коленях’, т. е. ‘тютюшкать’ [Рочев, 1974, с. 9]; подобное совмещение значений не может быть верно истолковано без обращения к соответствующим фольклорным текстам.

Потешки адресованы детям чуть более старшего возраста. Они более непосредственно обращены к ребенку, рассчитаны на его самостоятельную активность; в них больше, чем в пестушках, выражены игровая и познавательная функции. Классическим примером русской потешки является «Сорока» – пальчиковая игра, в которой сначала водят пальцем по ладони ребенка (сорока «варит кашу»), затем загибают по очереди пальцы (сорока «кормит деток») и т. д. (см., например, [Аникин, 1957, с. 206–207]). В финно-угорских языках сорока тоже бывает персонажем подобных потешек²⁵, ср. (30), (31). В текст таких потешек часто вводятся изобразительные слова, передающие стрекот сороки.

(30) Эрз. *Чики-чики, сорока,* / *Очко пеке онока!* [Таракина, 1978, с. 70]

‘Чики-чики, сорока, / Словно корыто живот ее!’

(31) Мар.л. *Шыдырдок-шыдырдок,* / *Ош тупан шогертен...* [Петухова, 2006, с. 130]

‘Шыдырдок-шыдырдок, / Сорока с белой спинкой...’

²⁴ *Рёк-рёк* – изобразительное слово, передающее бег лошади рысцой [Голева, 2015, с. 107].

²⁵ По-видимому, под влиянием русского языка. Кроме сходства по содержанию, ср. рус. *сорока* в эрз. тексте (30) при наличии сразу нескольких слов со значением ‘сорока’ в мордовских языках (эрз. *сезьган, сезяка* [ЭРС, 1993] и др.); в полном тексте (30) также имеются целые фрагменты русского текста.

В потешках чаще, чем в пестушках, встречаются подражания звукам животных, что связано с познавательной (поучительной) функцией потешек: взрослые вообще довольно рано начинают знакомить детей с голосами зверей и птиц, ср. (32).

(32) Манси *Каткасы луйги: Тив-тив-тив!* / *Турап хотал вари ке, / Ам хоталь исанегум? / Ам хоталь щалтанегум? / Ам тыг ты исанегум! / Ам тыг ты щалтанегум!* [Кумаева, 2012, с. 269]

‘Синичка щебечет: Тив-тив-тив! / Если наступит день ненастный, / Куда же сяду я? / Где же спрячусь я? / Вот куда я сяду! / Вот куда я спрячусь!’ (При произнесении двух последних фраз ребенку щекочут ладошку, у локтя и под мышкой.)

Еще одной традиционной русской потешкой является игра «Ладушки», названная так по первым строкам (33). В самой простой разновидности этой игры, подходящей для самых маленьких детей, взрослый просто берет руки ребенка и хлопает ими в ладоши в такт.

(33) Рус. *«Ладушки, ладушки! / Где были?» – «У бабушки». / «Что ели?» – «Кашку». / «Что пили?» – «Бражку»* [Аникин, 1957, с. 206].

Само слово *ладушки* является для современного носителя языка уже не совсем понятным. Наиболее очевидным, на первый взгляд, является толкование В. П. Аникина: *ладушки* от *ладошить* ‘бить в ладоши’ и, следовательно, от *ладонь* [Там же]. Однако слово *ладонь* (метатеза от *долонь*) в такой форме фиксируется в русском языке только к началу XVIII в., а текст пестушки скорее всего старше. Кроме того, форма *ладушки* (а также *ладки, ладоньки, ладуси*) фигурирует в украинских пестушках, в то время как ‘ладонь’ по-украински *долоня*. Об альтернативных версиях происхождения слова *ладушки*, в том числе связанных с песенными припевами, см. [Коршунков, 2004]. В любом случае, есть все основания ставить *ладушки* в один ряд с *баюшки, люлюшки, тютюшки* и т. п., т. е. рассматривать как специфическое для данного вида потешек припевное слово (а следовательно, и как изобразительное слово).

В мокшанском языке в потешках, сопровождающих игру в ладушки, используются слова *ацици* (34), *ацяк* (35), *ациня* [МРС, 1998], происхождение которых неясно. В эрзянском языке используется слово *цяпине-цяпине* (36) от *цяпамс* ‘хлопать в ладоши’ с звукоподражательным корнем *цяп* ‘хлоп’ [ЭРС, 1993].

(34) Мокш. *Ай, ацици-ацици, / Кяднянза сараз вацихть!* [Таракина, 1978, с. 67]

‘Ай, ацици-ацици, / Измарались рученьки!’

(35) Мокш. *А, стирнязе-цебярнязе, / Ацяк-ацяк, тон, стирняй...* [Там же]

‘А, девочка-красавица, / Ацяк-ацяк, ты, доченька...’

(36) Эрз. *Цяпине, цяпине, / Цяпань куда вадрине...* [Там же]

‘Ладушки, ладушки, / Срубленный домик хорошенький...’

Коми-з. *кекѳнач* ‘ладушки’ связано с *кекѳ* детск. ‘рука’, в свою очередь от *кекѳнач* произведены глаголы *кекѳначавны, кекѳначасьны* со значением ‘хлопать в ладоши’. Коми-п. *тачи гыг керны* ‘играть в ладушки’ (букв. ‘«тачи гыг» делать’) [КПРС, 1985] связано с текстом пестушки (37).

(37) Коми-п. *Оча гыги вачкыштам, / «Тачи гыг» висьталам: / «Тачи гыг, тачи гыг, / Тачи гыг, тачи гыг»* [Голева, 2015, с. 91].

‘Ручку об ручку ударим, / «Тачи гыг» произнесём: / «Тачи гыг, тачи гыг, / Тачи гыг, тачи гыг.»

Тачи гыг толкуется лишь как «выражение из детской лексики коми-пермяцкого ребенка» со значением ‘хлопать в ладоши’ [Голева, 2015, с. 91]. При более внимательном рассмотрении можно установить внутреннюю форму этого выражения. Так, в *тачи* усматривается изобразительный корень *тач-* (коми-п., коми-з. *тач* – подражание звуку удара, треска). Коми-п. *гыг*, *гыги* можно сопоставить с коми-з. *кек*, *кекӧ*, диал. *кеки* детск. ‘рука’²⁶, ср. *оча гыги вачкышны* ‘ручку об ручку ударять’, т. е. ‘бить в ладоши’ в (37) и *оча ки вартны* ‘хлопать в ладоши, аплодировать’, где *вартны* ‘бить, ударять’, *ки* ‘рука’, *оча* ‘навстречу; напротив’ [КПРС, 1985]. То есть с большой долей уверенности можно полагать, что коми-п. *гыг*, *гыги* в данном случае – детское слово для обозначения руки, хотя в словаре данная информация отсутствует. Таким образом, внутренняя форма выражения *тачи гыг* действительно соответствует значению ‘хлопать в ладоши’.

Детский фольклор вообще изобилует словами и выражениями, «непрозрачными» с точки зрения внутренней формы и значения. Но ввиду того, что фольклорные тексты являются относительно устойчивыми и с точки зрения формы, и с точки зрения содержания, встречаются и такие выражения, точный смысл которых утрачен, но они остаются в некотором роде понятными для носителей языка, фольклора и культуры. Ср., например, текст хантыйской народной считалки (38)²⁷.

(38) Ханты *Имем ими тэй, тэй! / Шара кали, вара кали! / Лэпс тумпи, карат тумпи / Нюхас куншан куншлэм / Вой куншан куншлэм* [Вагатова, 2006, с. 46].

‘Тетушка, на твоём теле чирей, чирей! / Шара кали, вара кали! / Кроме колючих иголок сосны, / Кроме коры деревьев, / Соболиными когтями я чирей выпарапаю’ [Там же, с. 7].

Относительно выражения *Шара кали, вара кали* М. К. Вагатова замечает, что «смысл этих слов утрачен, но понять можно: это очень неприятно, очень больно для тети» [Там же]²⁸. Считалки не относятся к материнскому фольклору (поэзии пестования). Но для детского фольклора вообще характерен жанровый синкретизм. Текст (39) совмещает в себе функции считалки и потешки: «Эти слова можно использовать как считалку для игры в прятки, а ещё для игры в щекотку» [Там же]. Так, *оух* ‘нора’ – это подбородок, который можно пощекотать пальцами; далее в тексте встречаются *йӱх пурэх* ‘корень дерева’ – это подмышки, *хот ов* ‘дверь дома’ – при произнесении этих слов щекочут живот, подбородок, подмышки ребенка [Там же]. Ср. также (39) с пестушкой (32).

(39) Ханты *Каткут, сев, сев, сев!*²⁹ / *Ерта, вота си йис. / Хулта лунемалум? / Там әһх овиева / Тыв си лунемалум. / Каткут, сев, сев, сев!..* [Там же, с. 47]

²⁶ В финно-угорских языках детские слова, в том числе обозначающие части тела, часто производятся от нейтральных слов с тем же значением путем повтора (редупликации) слогов или частей слогов. Это связано с подражательным (или «отпечаточным» – термин Н. И. Ашмариной) характером детских слов: они отражают детские лепетные структуры с повтором слогов. Так, коми-з. *кек*, *кекӧ*, *кеки* от *ки* ‘рука’; ср. удм. бес. *кикинъ* детск. ‘рука’ от *ки* нейтр. ‘рука’. Редупликация может быть осложнена озвончением или оглушением повторяемых согласных, ср. удм. бес. *пыбинъ* детск. ‘нога’ от *пыд* нейтр. ‘нога’, *пепер* детск. ‘красивый’ от *чебер* нейтр. ‘красивый’. В этом отношении вполне осмысленно предположение о коми-п. *гыг*, *гыги* детск. ‘рука’ от *ки* нейтр. ‘рука’.

²⁷ Данный текст, вероятно, ранее имел другое назначение – возможно, использовался как лечебный заговор. На это указывает упоминание соболя – одного из обликов *Касэм ими* (Казымской богини).

²⁸ В данном случае мы опираемся на авторитет М. К. Вагатовой не как исследователя, а как носителя хантыйского языка и культуры.

²⁹ Непонятное выражение.

‘Каткут, сев, сев, сев! / Идет дождь, ветер свищет. / Куда б мне от них скрыться? / Вот в эту нору, / Вот сюда скроюсь. / Каткут, сев, сев, сев!..’ [Вагатова, 2006, с. 6]

Как уже говорилось выше, в потешках больше, чем в пестушках, выражена игровая (развлекательная) функция, они предполагают большую вовлеченность и самостоятельную активность ребенка. Потешки сопровождают особые игры взрослого с ребенком: ср. выше пальчиковая игра «Сорока», игра в ладушки, игра в щекотку. К игре в щекотку близка игра в козу: изображая пальцами руки рога, взрослый щекочет (как бы бодает) ребенка. В русской традиции данной игре соответствует потешка (40).

(40) Рус. *Идет коза рогатая, / Идет коза бодатая: / Ножками: топ! топ! / Глазами: хлоп, хлоп! / Кто каши не ест, / Кто молоко не пьет, / Того забодает* [Аникин, 1957, с. 205].

В (40) используются общеупотребительные изобразительные слова *топ*, *хлоп*. В других языках имеются особые слова для выражения образа бодания, ср. мар.г. *мёк* (*Ышкал мё-ё-ёк ёшкә!* ‘Корова как боднет!’), коми-з. *дзима-люка* (*люка* от *люкавны* ‘бодать’, *дзима* – непонятное слово) [Рочев, 1974, с. 9], коми-п. *букыли* (41).

(41) Коми-п. *Мунё баран, / Йёрё пыран. / Ёмнас – ням-ням, / Кокнас – кам-кам. / Сюрис чукыля, / Сюрис букыля: / Букыли-букыли, / Букыли-букыли!* [Голева, 2015, с. 124]

‘Идёт баран, / В огород лазающий. / Ртом – ням-ням, / Ногой – кам-кам. / Рог кривой, / Рог бодающий: / Забодает-забодает, / Забодает-забодает!’

Коми-пермьяцкий текст (41) возник, очевидно, не без влияния русского, ср. (40). При этом использование собственно коми-пермьяцких изобразительных слов обеспечивает оригинальность и национальную самобытность потешки (41).

Некоторые игры с детьми не сопровождаются особыми текстами, но при этом с ними связаны специальные изобразительные слова. Такова, например, игра «Ку-ку», бытующая во многих традициях: взрослый прячется на короткое время за некоторую преграду или же просто закрывает лицо руками, а затем снова показывается ребенку, произнося определенные слова. Рус. *ку-ку* соответствуют мар.г. *уте* (скорее всего, измененное уке ‘нету’), удм. бес. *тютють* (при этом ср. рус., мар.г., удм. бес. *тю-тю* детск. или ирон. ‘нету’); также используется удм. бес. *пам* детск. ‘нету’.

Заключение

В колыбельных песнях, пестушках и потешках встречаются не только общеупотребительные, но и специфические изобразительные слова, т. е. слова, характерные для данного конкретного жанра. В фольклорных текстах эти слова выполняют функцию зачинов или рефренов и потому называются обычно припевными.

Одни припевные слова имеют звукоизобразительную природу, т. е. передают двигательные или звуковые образы (в том числе бессловесные напевы); другие «заимствуются» из обычных слов языка, которые, в свою очередь, могут быть как изобразительными, так и неизобразительными. Таким образом, пути возникновения припевных слов указывают на принадлежность этой лексической группы к изобразительной системе языка.

Припевные слова могут употребляться и вне текстов. В таком случае они попадают обычно в группу детских слов (англ. *nursery words*), обозначающих ситуацию или призыв к соответствующему действию. Укореняясь в языке, припевные

слова могут получать морфологическое оформление, характерное для разных частей речи. Такие слова обычно обозначают понятия, смежные с ситуациями, в которых используются соответствующие тексты (ср. названия люльки или глаголы укачивания, образованные от припевных слов колыбельных песен).

Изучение припевных слов представляет интерес как с точки зрения их функций в фольклорном тексте, так и с точки зрения их лингвистических особенностей, которые подчас необъяснимы без обращения к текстам соответствующих жанров. Припевные слова являются составляющей изобразительной лексики языка и потому должны изучаться также с точки зрения звукоизобразительности и фиксироваться в словарях.

Список литературы

- Аникин В. П.* Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор: Пособие для учителя. М.: Учпедгиз, 1957. 240 с.
- Баталова Р. М.* Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.
- Вагатова М. К.* Тёй, тей: Сказки, стихи, песни и считалочки для детей. Тюмень: Тюмен. дом печати, 2006. 87 с.
- Вершинин В. И.* Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков: В 5 т. Йошкар-Ола: Стринг, 2004–2011. Т. 1. Йошкар-Ола, 2004.
- Воронин С. В.* Основы фоносемантики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 244 с.
- Голева, 2015 – Труды Института языка, истории и традиционной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 11: Боба ты, Боба, куда ты ходил? = Боба тэ, боба, кытчö тэ ветлін?: Детский фольклор коми-пермяков: Сб. фольклорных текстов и коммент. / Сост., вступ. ст., коммент. Т. Г. Голева и др. СПб.: Маматов, 2015. 397 с. (Фольклор народов России).
- Долганова, 1981 – Удмуртский фольклор: Песенки, потешки, считалки, дразнилки / Сост. Л. Н. Долганова. Ижевск: Удмуртия, 1981. 132 с.
- Иванов А. Г.* Глоссарий припевных и диалектных слов и выражений, встречающихся в сборнике, и некоторые комментарии к ним // Ходырева М. Г. Песни северных удмуртов = Уйпал удмуртъёслэн крезьгуръёссы. Вып. 1. Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1996. С. 109–114. (Удмуртский фольклор).
- Иванов В. А.* Изобразительная лексика в фольклорных текстах малых форм (на материале финно-угорских языков) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 174–192.
- Коришунков В. А.* «Ладушки» и народные обряды // Русская речь. 2004. № 2. С. 97–102.
- КПРС, 1985 – Коми-пермяцко-русский словарь / Сост. Р. М. Баталова, А. С. Кривошекова-Гантман. М.: Рус. яз., 1985. 621 с.
- КРС, 2000 – *Безносикова Л. М., Айбабина Е. А., Коснырева Р. И.* Коми-русский словарь. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. 811 с.
- Кузнецова, 2013 – Колыбельные песни в диалоге культур: Хрестоматия / Сост. Р. А. Кузнецова. Ижевск: Ин-т компьютерных исследований, 2013. 147 с.
- Кумаева М. В.* Ономапоэзия в мансийском детском фольклоре // European Social Science Journal. 2012. № 10-2(26). С. 268–274.
- КЭСЯ, 1970 – *Лыткин В. И., Гуляев Е. С.* Краткий этимологический словарь коми языка. М.: Наука, 1970. 386 с.
- Лойтер С. М.* Русский детский фольклор и детская мифология: Исследование и тексты. Петрозаводск: КГПУ, 2001. 295 с.
- Молданова Т. А.* К интерпретации текстов хантыйских колыбельных песен // Детский фольклор обских угров: Материалы науч.-практ. конф., г. Белоярский,

19–22 марта 2007 г. / Сост. С. Д. Дядюн; под ред. А. Д. Каксина, М. Д. Чертыковой. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. С. 19–40.

МРС, 1998 – Мокшанско-русский словарь / Под ред. Б. А. Серебренникова, А. П. Феоктистова, О. Е. Полякова. М.: Рус. яз.: Дигора, 1998. 920 с.

Паасонен – Мордовский словарь Х. Паасонена = H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch: В 4 т. / Сост. К. Хейккиля. Хельсинки: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1990–1996. (Lexica societatis fenno-ugricae; Т. XXIII, вып. 1–4). Т. 3. Хельсинки, 1994.

Петухова А. Н. Марийский детский фольклор: Дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2002. 177 с.

Петухова А. Н. Детский фольклор народа мари. Йошкар-Ола: Изд-во Марийс. гос. ун-та, 2006. 157 с.

Рочев Ю. Г. Детский фольклор коми: Автореф. ... канд. филол. наук. Саранск, 1974. 22 с.

СМЯ – Словарь марийского языка = Марий мутер: В 10 т. Йошкар-Ола: Марийс. кн. изд-во, 1990–2005. Т. 8. Йошкар-Ола, 2003.

Соловар В. Н. Хантыйско-русский словарь (казымский диалект) / Отв. ред. А. А. Бурыкин. Ханты-Мансийск; Тюмень: Формат, 2014. 386 с.

СРНГ, 1981 – Словарь русских народных говоров. Вып. 17. Л.: Наука, 1981. 383 с.

Таракина Э. Н. Мордовский детский фольклор / Под ред. А. И. Маскаева. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1971. 63 с.

Таракина, 1978 – Устно-поэтическое творчество мордовского народа: В 8 т. Т. 8: Детский фольклор / Сост. Э. Н. Таракина. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1978. 299 с.

УРС, 2008 – Удмурт-зуч кыллюкам = Удмуртско-русский словарь / Отв. ред. Л. Е. Кириллова. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2008. 924 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 1. М., 1986; Т. 2. М., 1986.

Шати́ро М. М. Семантика глаголов колебательного движения в тегинском говоре хантыйского языка // Acta Linguistica Petropolitana: Тр. Ин-та лингвистических исследований РАН. 2010. Т. 6, ч. 3. С. 176–180.

ЭРС, 1993 – Эрзянско-русский словарь / Под ред. Б. А. Серебренникова, Р. Н. Бузанаковой, М. В. Мосина. М.: Рус. яз.: Дигора, 1993. 804 с.

Список использованных языков

Англ. – английский; **казым.** – казымский диалект языка ханты; **коми-з.** – коми-зырянский; **коми-п.** – коми-пермяцкий; **коми-п. (кочев.)** – кочевский диалект коми-пермяцкого языка; **коми-п. (нижнеиньв.)** – нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка; **мар.г.** – марийский горный; **мар.л.** – марийский луговой; **мокш.** – мокшанский; **нем.** – немецкий; **польск.** – польский; **рус.** – русский; **сербохорв.** – сербохорватский; **тат.** – татарский; **удм.** – удмуртский; **удм. бес.** – бесермянское наречие удмуртского языка; **эрз.** – эрзянский.

V. A. Ivanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, vovagkmfc@yandex.ru

Sound iconic words in folklore for children (in Finno-Ugric languages)

The paper deals with the peculiarities of the functioning of sound iconic words in folklore for children in the Finno-Ugric languages. The author defines sound iconic words and its subclasses,

discusses its primary function in folklore texts. Sound iconic words are identified as having an involuntary motivated relationship between the form and the meaning. The sound iconic vocabulary contains onomatopoeic words, interjections, ideophones, nursery words, call words for animals, elements of «zaum», etc., and their derivatives. Motivation is associated with greater expressiveness. Thus, it is this feature that determines the widespread use of such words in folklore texts of different genres. Also, the difference between folklore of children (texts created by children) and folklore for children (texts created by adults) is discussed. Further, the results of the research of sound iconic words and refrains in lullabies and discusses their origin and etymology are presented. Lull words come from significant words (cf. Russian *bayu-bay* from *bayat'* 'to speak'), sound iconic words or from vocalise syllables or vowel sounds used to calm the child. Lull words can be associated with designations of cradle and nursery words meaning «to sleep». Furthermore, the usage of sound iconic words in nursery rhymes (pestushki and poteshki) is discussed. These are small texts, accompanying exercises. Exercises are aimed at the physical development of the child, with the accompanying texts responsible for the emotional state. In these genres, one can find both common and specific sound iconic/refrain words. The study of refrain words is of interest both for their functions in the folklore text and their linguistic features, which are sometimes inexplicable without referring to the texts of the relevant genres. Refrain words are part of the sound iconic vocabulary of the language and therefore should also be studied regarding iconicity and sound symbolism. Sound iconic/refrain words used in folklore texts should be included in dictionaries.

Keywords: sound iconic words, Finno-Ugric languages, lullabies, song refrains, nursery rhymes.

DOI 10.17223/18137083/64/19

References

- Anikin V. P. *Russkie narodnye posloviitsy, pogovorki, zagadki i detskiy fol'klor: Posobie dlya uchitelya* [Russian folk proverbs, sayings, riddles and children's folklore: Teacher's manual]. Moscow, 1957, 240 p.
- Batalova R. M. *Komi-permyatskaya dialektologiya* [Komi-Permyak dialectology]. Moscow, Nauka, 1975, 252 p.
- Beznosikova L. M., Aybabina E. A., Kosnyreva R. I. *Komi-russkiy slovar'* [Komi – Russian dictionary]. Syktyvkar, Komi kn. izd., 2000, 811 p.
- Dolganova L. N. *Udmurtskiy fol'klor: Pesenki, poteshki, schitalki, draznilki* [Udmurt folklore: Udmurt folklore: Songs, nursery rhymes, counters, teasers]. L. N. Dolganova (Comp.). Izhevsk, Udmurtia, 1981, 132 p.
- Erzyansko-russkiy slovar'* [Erzya-Russian dictionary]. B. A. Serebrennikov, R. N. Buzanakova, M. V. Mosin (Eds). Moscow, Rus. yaz.: Digora, 1993, 804 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: V 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language: in 4 vols]. Transl. from German by O. N. Trubachev. Moscow, Progress, 1986–1987. Vol. 1. Moscow, 1986; Vol. 2. Moscow, 1986.
- H. Paasonen *Mordwinisches Wörterbuch: in 4 Bd.* K. Kheykkilya (Comp.). Helsinki, 1990–1996. (Lexica societatis fenno-ugricae; 23, 1–4). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1990–1996. (Lexica societatis fenno-ugricae; Vol. 23, iss. 1–4). Vol. 3. Helsinki, 1994.
- Ivanov A. G. Glossariy pripevnykh i dialektnykh slov i vyrazheniy [Glossary of refrain and dialect words and phrases]. In: Khodyreva M. G. *Pesni severnykh udmurtov. Vyp. 1* [Songs of the Northern Udmurts. Iss. 1]. Izhevsk, Udmurt. institut istorii, yazyka i literatury UrO RAN, 1996, pp. 109–114. (Udmurtskiy fol'klor [Udmurt folklore]).
- Ivanov V. A. Izobrazitel'naya leksika v fol'klornykh tekstakh malykh form (na materiale finno-ugorskikh yazykov) [Sound iconic words in small genres of folklore (in Finno-Ugric languages)]. *Siberian Journal of Philology*. 2016, no. 4, pp. 174–192.
- Korshunkov V. A. "Ladushki" i narodnye obryady ["Ladushki" and folk rites]. *Russkaya rech'*. 2004, no. 2, pp. 97–102.
- Komi-permyatsko-russkiy slovar'* [Komi-Permyak-Russian dictionary]. R. M. Batalova, A. S. Krivoshchekova-Gantman (Comps). Moscow, Rus. yaz., 1985, 621 p.
- Kumaeva M. V. Onomatopeya v mansiyskom detskom fol'klоре [Onomatopoeia in Mansi children's folklore]. *European Social Science Journal*. 2012, no. 10-2(26), pp. 268–274.

- Kuznetsova R. A. (Comp.). *Kolybel'nye pesni v dialoge kul'tur: khrestomatiya* [Lullabies in the dialogue of cultures: chrestomathy]. Izhevsk, Inst. komp. issledovaniy, 2013, 147 p.
- Loyter S. M. *Russkiy detskiy fol'klor i detskaya mifologiya: Issledovanie i teksty* [Russian children's folklore and children's mythology: Research and texts]. Petrozavodsk, KGPU, 2001, 295 p.
- Lytkin V. I., Gulyaev E. S. *Kratkiy etimologicheskii slovar' komi yazyka* [Short etymological dictionary of the Komi language]. Moscow, Nauka, 1970, 386 p.
- Mokshansko-russkiy slovar'* [Moksha-Russian dictionary]. B. A. Serebrennikov, A. P. Feoktistov, O. E. Polyakov (Eds). Moscow, Rus. yaz., Digora, 1998, 920 p.
- Moldanova T. A. K interpretatsii tekstov khantyyskikh kolybel'nykh pesen [On interpretation of texts of Khanty lullabies]. In: *Detskiy fol'klor obskikh ugrov: Materialy nauchn.-prakt. konf. g. Beloyarskiy, 19–22 marta 2007 g.* [Children's folklore of Ob-Ugric peoples: Materials of scientific-practical conference. Beloyarsk, March 19–22, 2007]. S. D. Dyadyun (Comp.); A. D. Kaksin, M. D. Chertykova (Eds). Khanty-Mansiysk, Poligrafist, 2008, pp. 19–40.
- Petukhova A. N. *Detskiy fol'klor naroda mari* [Children's folklore of Mari people]. Yoshkar-Ola, izd. Mariys. gos. univ., 2006, 157 p.
- Petukhova A. N. *Mariyskiy detskiy fol'klor* [Mari children's folklore]. Cand. philol. sci. diss. Yoshkar-Ola, 2002, 177 p.
- Rochev Yu. G. *Detskiy fol'klor komi* [Komi children's folklore]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Saransk, 1974, 22 p.
- Shapiro M. M. Semantika glagolov kolebatel'nogo dvizheniya v teginskom govore khantyyskogo yazyka [Semantics of verbs of oscillatory motion in Tegi subdialect of the Khanty language]. *Acta Linguistica Petropolitana: Tr. instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN* [Acta Linguistica Petropolitana: Proceedings of Institute of Linguistic Research RAS]. 2010, vol. 6, pt 3, pp. 176–180.
- Slovar' mariyskogo yazyka = Mariy muter: V 10 t.* [Dictionary of the Mari language: in 10 vols]. Yoshkar-Ola, Mariys. kn. izd., 1990–2005. Vol. 8. Yoshkar-Ola, 2003.
- Slovar' russkikh narodnykh govorov. Vyp. 17* [Dictionary of Russian folk dialects. Iss. 17]. Leningrad, Nauka, 1981, 383 p.
- Solovar V. N. *Khantyysko-russkiy slovar': (kazymskiy dialekt)* [Khanty-Russian dictionary: (dialect of Kazym)]. A. A. Burykin (Ed.). Khanty-Mansiysk, Tyumen, Format, 2014, 386 p.
- Tarakina E. N. *Mordovskiy detskiy fol'klor* [Mordvin children's folklore]. A. I. Maskayev (Ed.). Saransk, Mordov. kn. izd., 1971, 63 p.
- Trudy Instituta yazyka, istorii i traditsionnoy kul'tury komi-permyatskogo naroda. Vyp. 11: Boba ty, Boba, kuda ty khodil? = Boba t-e, boba, kytchö t-e vetlin?: Detskiy fol'klor komi-permyakov: Sb. fol'klornykh tekstov i komment.* [Proceedings of the Institute of Language, History and Traditional Culture of Komi-Permyak people. Iss. 11: Boba, Boba, where did you go? Children's folklore of Komi-Permyaks: Coll. of folklore texts and comments]. Comp., enter. article, comment. by T. G. Goleva and others. St. Petersburg, Mamatov, 2015, 397 p. (Fol'klor narodov Rossii [Folklore of the peoples of Russia]).
- Udmurtsko-russkiy slovar'* [Udmurt-Russian dictionary]. L. E. Kirillova (Ed.). Izhevsk, UIIYAL UrO RAN, 2008, 924 p.
- Ustno-poeticheskoe tvorchestvo mordovskogo naroda: V 8 t. T. 8: Detskiy fol'klor* [Oral poetic creativity of Mordvin people: in 8 vols. Vol. 8: Children's folklore]. E. N. Tarakina (Comp.). Saransk, Mordov. kn. izd., 1978, 299 p.
- Vagatova M. K. *Tëy, tëy: Skazki, stikhi, pesni i schitalochki dlya detey* [Tioy, tioy: fairy tales, poems, songs and counting-out rhymes for children]. Tyumen, Tyumen. dom pechati, 2006, 87 p.
- Vershinin V. I. *Etimologicheskii slovar' mordovskikh (erzyanskogo i mokshanskogo) yazykov: V 5 t.* [Etymological dictionary of Mordvin (Erzya and Moksha) languages: in 5 vols]. Yoshkar-Ola, String, 2004–2011. Vol. 1. Yoshkar-Ola, 2004.
- Voronin S. V. *Osnovy fonosemantiki* [The basics of phonosemantics]. Leningrad, izd. Leningr. univ., 1982, 244 p.